

RelBib

Bibliography of the Study of Religion

<https://relbib.de>

Dear reader,

This is a self-archived version of the following article:

Author: Rüpke, Jörg
Title: "Divination and political decision in the Roman republic [russ.]"

Published in: Vestnik drevnej istorii.
Moskva: Nauka

Volume: 1 (252)
Year: 2005
Pages: 34 – 48
ISSN: 0321-0391

The article is used with permission of *Nauka*.

Thank you for supporting Green Open Access.

Your RelBib team

EBERHARD KARLS
UNIVERSITÄT
TÜBINGEN

UNIVERSITÄTSBIBLIOTHEK

Йорг Рюпке

ДИВИНАЦИЯ И ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ЭПОХУ РЕСПУБЛИКИ¹

ВВЕДЕНИЕ

Но наивысшее и наиважнейшее право в государстве связано с полномочиями (*auctoritas*) авгуров. Я думаю так не потому, что я сам авгур, но потому, что эта оценка неизбежна. Ведь есть ли что-либо более значительное – если мы спросим с правовой точки зрения – чем возможность отсрочить народные собрания, созванные верховной властью или верховными магистратами с целью голосования или обсуждения, если они уже начались, или возможность их аннулировать, если они уже состоялись? Что является более впечатляющим, чем увидеть прерванным уже начатое обсуждение, если один единственный авгур сказал: «В другой раз»? Что поразительнее возможности постановить, что консулы должны сложить свои полномочия? Что почетнее (*religiosius*), чем предоставлять или не предоставлять право обратиться к народу или плебсу? Или чем отменить закон, который был принят неправомерным образом, например, Титиев (99 г. до н.э.) решением коллегии, или Ливиевы (91 г. до н.э.) по совету консула и авгура Филиппа? И чем то, что как во внутренних, так и во внешних делах никому не может представиться законным то, что магистрат предпринял без одобрения (*auctoritas*) авгуров (*Cic. Leg. 2. 31*)?

Это высказывание Цицерона в *De legibus* является не программой, но описанием, и – при всей его односторонности – правильным описанием. Дивинация представляет собой центральный элемент многих обществ и их политических систем, а не пережиток эволюционно устаревших ступеней религии. Вследствие этого она особенно подходит для попытки предпринять определение контекста ритуальной сферы, которая охватывает несколько основных жреческих институтов.

Исторические данные, которые будут здесь рассмотрены, с одной стороны, относятся к лучше всего документированной эпохе римской истории – Поздней республике, но, с другой стороны, в традиции остается много неясных деталей. Поэтому неудивительно, что точная реконструкция правил игры прежде всего авгуральной дивинации и ее значения для политической истории первого столетия до н.э. является предметом постоянных споров в антиковедении². Детали

¹ Я благодарю Жана-Мишеля Давида за приглашение в Париж и за возможность представить нижеследующие размышления; коллегу Александра Смышляева за приглашение опубликовать эту статью.

² О *leges Aelia et Fufia* см. Weinstock, 1937, 1937a (запрещение законодательных собраний до выборов; *obnuntiatio* для трибунов); Sumner, 1963 (датировка 132 г. до н.э.; ограничение *obnuntiatio*); Astin, 1964 (общая подборка правил). Об ограничении *lex Clodia* 58 г. до н.э. см. Bleicken, 1957, S. 471 (отмена *obnuntiatio*); Mitchell, 1986 (*obnuntiatio*, как и *intercessio*, привязана к личному появлению того, кто вносит возражение).

этой дискуссии здесь будут в целом опущены, не потому, что я считаю их неважными, но потому, что я думаю, что методические предпосылки не соответствующих своему предмету попыток «точной» реконструкции еще слишком многи обязаны модели «римского конституционного права».

Если обобщить многочисленные попытки исследования форм дивинации в прошлом и в настоящем, то определение официальной, практикуемой в группе дивинации могло бы звучать следующим образом. Дивинация является формой общественного поведения в тревожное время, которая выявляет и формулирует одобрение и несогласие благодаря использованию определенных социальных ролей в сфере интерпретации стандартизированных знамений и их ритуального представления. С этим рабочим определением я и буду далее исследовать античные формы дивинации применительно к проблеме поиска решений в римской республиканской политике.

ДИВИНАЦИЯ В РИМЕ

Обзор

В эпоху Средней и Поздней республик в источниках доминируют две дивинационные системы: ауспicii и продигии. Обе они обозначают не столько определенные техники – область потенциальных знамений и подателей знамений очень широка – сколько определенные структуры, лица и образы действий. Грубо говоря, речь идет в случае с ауспicii прежде всего об «импетративной» дивинации – ставящей вопросы плановым образом и связанной с птицами, – даже если определенную роль играют другие – «облативные», тем самым, как явствует из их названия, не испрошенные знамения: последние отчасти столь сильно институционализированы (и функционализированы), что сами приобретают импетративный характер. Когда римский магистрат официально объявляет о том, что он будет наблюдать небесные явления (*de caelo servare*), то это подразумевает, что он будет принимать во внимание соответствующие, как правило, негативные, тревожащие знамения.

Продигии – это облативные, не испрошенные знамения, их определяют как чрезвычайные, часто метеорологические или биологические происшествия³. Наблюдать их и докладывать о них может каждый (уже Ливий отмечал повышенную чувствительность во время кризиса). Принятие их сенатом и интерпретация религиозными специалистами (понтификами, квиндецемвирами священнодействий – толкователями Сивиллиных книг в Риме), что влечет за собой мероприятия, призванные оказывать помощь в трудных обстоятельствах (*procuratio*), вводят их в контекст осуществления политического управления. Гаруспики, этрусские специалисты по анализу внутренностей, равным образом привлекающиеся время от времени в качестве консультантов, осязательно присутствуют в Риме с III в. до н.э., в официальной и частной сфере. Они приобретают все большее значение, не столько благодаря их первоначально лишь эпизодическому сотрудничеству в официальных жертвоприношениях, сколько благодаря их тесным личным взаимоотношениям с представителями высших кругов общества⁴. То же са-

³ Из последних подробных публикаций о продигиях и их роли в политической системе Римской республики: Rosenberger (1998). Другие важные работы прежде всего обобщающего характера: Wülker, 1903; Luterbacher, 1904; попытка этнической дифференциации (Bloch, 1963) является проблематичной.

⁴ Для Поздней республики см. Rawson, 1978.

мое относится и к астрологии, хотя этот процесс становится значимым только в эпоху империи. Астрология не имеет никакого официального статуса, но с конца II в. до н.э. все более проявляется в личных контактах. Поскольку, как свидетельствует Плавт, было известно о существовании неримских оракулов, то в особых ситуациях свои услуги предлагали такие источники, как оракул Фортуны в соседнем Пренесте⁵.

Небольшое число эксплицитных источников находится в необычной диспропорции по отношению к количественному значению, которое должны были иметь публичные выступления персонажей пророческого типа (*vates*) в республиканском Риме⁶. Характерной чертой было, как представляется, преимущественно моралистическое наставление; этот маргинальный, с социальной точки зрения источник религиозного авторитета, по-видимому, не пользуется уважением высших слоев общества, однако такие события, как принятие *Carmina Marciana* во время второй Пунической войны, показывают, насколько широким могло быть воздействие в отдельном случае. Для Поздней республики сохранились переданные в литературных источниках тексты, чьи составители – вполне актуальный и содержательный намек, насколько мы можем сегодня представить, – принимали роль *vates* (например, Гораций в Эподах)⁷. Кроме того, в самом активном обращении находились сборники оракулов, *libri Sibyllini* или *Etrusci* – при Августе при отборе подобных оракулов должны были быстро составиться две тысячи книг⁸. В противоположность этому регламентированное и интенсивное «обращение» продигий, регулярно описываемое анналистическим преданием, со времени Союзнической войны можно уловить лишь в единичных случаях.

Критика упадка ауспий составляет тоpos соответствующих источников: согласно этой критике, позднереспубликанская система якобы составляет всего лишь жалкое подобие, упадочную форму изначально очень богатой системы⁹. В действительности речь идет о жизнеспособной системе, которую – с характерной монополизацией принципсом – продолжает Август; но хотя второй триумvirат мог бы стать первой «исполнительной» формой, для непрерывности ауспий не имелось более никаких существенных факторов¹⁰.

С технической точки зрения нам, как и современникам, позднереспубликанская ауспикация представляется до крайности суженной. Основной формой магистратской ауспикации – правом на *spectio*, на «наблюдение», обладают лишь высшие должностные лица – является предсказание *ex tripudiis*: во время включающей более эмпирические наблюдения процедуры¹¹ помощник в ответ на запрос магистрата сообщал о жадном клевании принесенных кур как о позитивном знаменнии. Согласно другому варианту, практикуемому, вероятно, только в самом Риме, магистрат утром, в которое должно было последовать контро-

⁵ Относительно италийских оракулов см. прежде всего Champeaux, 1989, 1990.

⁶ Rawson, 1974, 157 f.; Wiseman, 1992; для эпохи империи это обычное явление: Potter, 1994.

⁷ Kugel, 1990.

⁸ В интерпретациях вергилиевой Сивиллы, как ее, например, представил Saggioli, 1996, эти факты систематически не учитываются. О позднейших Сивиллах см., например: Parke, 1988; Potter, 1990.

⁹ Например: *Cic. Nat. 2. 9. Cp. Bleicken, 1957, S. 473*: пренебрежение *obnuntiatio* демонстрирует крушение бессодержательных ауспий. Более осторожна, но только в формулировке, малобудительная работа Bergemann, 1992, в которой предполагается, что «по крайней мере в отдельных случаях врожденный религиозный интерес отступает на задний план» (S. 95).

¹⁰ Cp. Bleicken, 1990.

¹¹ Подчеркнуто Шайдом (Scheid, 1996, S. 655).

лируемое действие, занимал наблюдательную позицию, которая позволяла оптическое и акустическое наблюдение за полетом и пением птиц.

Действующие лица

Центральную роль в социологическом анализе дивинации играет описание положения, занимаемого лицом, осуществляющим дивинацию, по отношению к «исполнительной власти», включая вопрос о праве на инициативу¹². Это касается не только предположительно близких к царю галльских друидов или вавилонских *барум* (жрецов, наблюдающих за внутренностями при совершении жертвоприношения), но также и более независимых греческих оракулов и круга израильских пророков. В Риме, как показывает просопография, существует широкая личная уния сената и религиозных специалистов, называемых *sacerdotes*. Землер популяризировал для английского языкового пространства¹³ метафору Моммзена, характеризующую жречество как «постоянные сенатские комиссии»¹⁴. Однако, сохраняя эту метафору, ее следует ограничить тремя условиями: а) сфера деятельности отдельных жречеств не конгруэнтна, сенат распределяет поручения, но не компетенцию; б) имеются источники, демонстрирующие осознание ролевых различий и даже ролевые конфликты¹⁵; в) существуют четкие структурные различия по сравнению с магистратурой: пожизненная должность вместо годового срока, кооптация вместо «народного избрания». Однако неоспорима, в особенности в Позднюю республику, и обратная тенденция, уравнивающая *sacerdotes* и *magistratus*¹⁶.

При ключевом слове «ауспикация», естественно, не следует забывать, что здесь, как правило, представитель исполнительной власти и лицо, осуществляющее дивинацию, идентичны и разделены только в особых, специально предусмотренных случаях (например, *obnuntiatio*, на которой мы еще специально остановимся). Все лица составляют часть высоко-соревновательной аристократии, которая в структуре знати ограничила свое соперничество немногими сферами, а именно теми, которые должны идти на пользу *res publica*, «общественному благу». *Res publica* является конкретным общим интересом представителей причастных знатных семей, эта мотивация усиливается посредством дорогостоящей (к примеру, храм) изобразительной системы символов. Не частное состояние или размер клиентелы сами по себе, но занятие «официальных» должностей (*cursus honorum*), военные успехи на этих постах и публичные инвестиции в игры или строительство приносят престиж, законный и доступный коммуникации символический капитал. Эта картина нормативна, а не дескриптивна. Нормативна в том смысле, что она формулирует правила, которые могут описать поведение и объяснить критику отклоняющегося поведения. Дальнейший анализ как раз покажет, что «общий интерес» является трудно достижимой равнодействующей, ограниченным во времени результатом представления, планов и действий, которые не поддаются распределению по партиям или семейным группам.

¹² На последний пункт указал Linderski (1986) в связи с более четким определением отношения отдельного авгура и коллегии.

¹³ См., например: DeTreville, 1987; DeMartino, 1985.

¹⁴ Szeimler, 1972.

¹⁵ Наилучший пример представляют действия саляя Сципиона в начале II в. до н.э.

¹⁶ Scheid, 1985.

Уже в случае с *nobiles* принцип равенства имеет лишь ограниченный вес; благодаря строго регулируемой очередности голосования, которое протекает по иерархическому принципу: сверху (начиная с самых видных консуляров и цензоров) вниз (заканчивая новыми эдилами и квесторами) – количественный принцип фактически вытесняется принципом значительности. За пределами собранной в сенате «должностной знати» нельзя говорить о демократии, в которой участвуют все: голосования по поводу законодательного предложения магистрата – собрания не обладают никаким правом инициативы – носят характер ритуалов одобрения, выражающих требуемое согласие¹⁷. Но представляется, что при выборах голосовательные корпорации, составленные по тимократическому принципу – вес голоса драматически понижается с уменьшением имущества – составляют еще не отмеченный решающий фактор: посредством отбора представленного кандидата они производят широкое одобрение карьерного механизма внутри аристократического соревнования. Это не следует недооценивать; стратегии, идущие от «скупки» голосов через судебные процессы вплоть до применения силы, реагируют на это и отмечают границы таких понятий как законность¹⁸.

Возможности и контроль

Ауспициальные процедуры эпохи Поздней республики уже были охарактеризованы как в значительной степени свободные от эмпирического элемента. Это следует еще раз уточнить на техническом уровне. Дивинация, как в Риме, так и в других культурах, часто представляет собой двухступенчатый процесс, который сначала производит или определяет знамения в контролируемом пространстве, чтобы затем, на второй ступени, ограничить многозначность этих знамений. Этот процесс в римской ауспикации радикально упрощен. Категории всех возможных знаков уже заранее, традиционно или в эксплицитном *legum dictio* – «установлении правил игры», разделены в соответствии с одной единственной смысловой оппозицией: одобрение или отклонение. На этом основании производятся, измышляются или игнорируются знамения почти однозначного характера; интерпретация, как правило, более не является необходимой.

В классических оракулах, связанных с наблюдением за поведением кур (*auspicium ex tripudiis*), – жадное клевание, при котором отмечалось, что зерно падало на землю, представляло проявление наивысшего одобрения – знамением можно было манипулировать самым широким образом благодаря предшествующим голодовке или кормлению кур, а также благодаря консистенции корма (влажный или сухой). Но это не является необходимым. Публичный контроль не предусмотрен, публичным является в каждом случае только объявление результата. В этом отношении испрашивание знамения может быть сведено к стереотипному диалогу между помощником, который должен наблюдать за курами, и магистратом, который проводит эту процедуру. При этом реальные и вымышленные знамения практически равноценны и в целом для «конечного заказчика» не представляют различия. В соответствии с этим действительность знамения зависит только от восприятия или согласия магистратов: право на проведение ауспиций является непосредственной частью соответствующих полномочий их деятельности. Римская терминология выражает это в биноме

¹⁷ Как ясно определил Flaig в 1995 г. и повторил в 2003 г.

¹⁸ См. об этом: Jehne, 2003.

imperium auspiciumque¹⁹. Таким образом, «жреческий обман», классический прием интерпретации дивинационного процесса, по нескольким причинам исключается из числа моделей, пригодных для описания ауспикации.

Процедура, связанная с продигиями, осуществляется – при многих схожих элементах, например, временном запрете на наблюдение предзнаменования – по другим схемам. Реальность наблюдения является центральным элементом и ее следует доказать. Только после этого многоступенчатый, регламентированный сенатом процесс разрешает принятие, интерпретацию и реакцию. Тот факт, что каждый был потенциальным наблюдателем и участником искупительных ритуалов (procuratio), побуждает к публичности и тщательному политическому обеспечению процесса²⁰.

РЕЗУЛЬТАТЫ

То, что ауспикация вообще приносит какой-либо результат, в антиковедческих исследованиях скорее подвергается сомнению, чем оспаривается. Она является технической формой, переживающей упадок, религиозной в довольно свободном смысле и к тому же еще часто неэффективной: нередко достаточным бывает obnuntiatio, объявления о препятствующем, срывающем собрание знамении, не производящего заметного впечатления на председателей собрания, которые прямо-таки протаскивают свое законодательство. Самым острым оружием сакрального инструментария остается – в отличие, например, от манипулирования календарем – тупое²¹. Однако анализ этого процесса с применением различных моделей, прежде всего из области политологии, открывает возможность преодоления этих кажущихся противоречий.

Одобрение

Прежде всего следует привлечь простую модель поиска решений²². Применение подобной модели напрашивается, если поставить различные формы ауспикации в более широкий контекст политического процесса. При этом обнаруживается, что именно критические, опровергнутые в своих результатах или оспоренные ауспиции являются важными этапами политического процесса принятия решений. Гарольд Лассуэлл различает в целом шесть фаз поиска решений, которые здесь могли бы служить организации известных нам ступеней процесса.

1. *Информирование* (Intelligence): именно сенат во взаимодействии с магистратами, которые ведут переговоры и вносят предложения, устанавливает потребность в принятии решения и определяет общие условия возможного урегулирования. Для этого необходимы также кризисные настроения среди населения, которые могут быть выражены в форме извещения о продигиях. Уже в сенате дискуссия может привести к завершению процесса посредством постановления сената, *senatus consultum*. Это обычный случай. Заключение, однако, может быть придано большее достоинство благодаря народному постановлению, тем самым посредством придания ему статуса *lex*, если это признава-

¹⁹ См. Bleicken, 1981.

²⁰ См. также MacBain, 1982.

²¹ Эту позицию представляет также Libero, 1992 в одной из своих недавних монографий; сходную позицию см. Burckhardt, 1988, P. 178–209; иную – Beard, North, Price, 1998, P. 14.

²² Lasswell, 1956.

лось необходимым, то в отдельных случаях, как кажется, играли роль различные соображения; в республиканское время нельзя обнаружить систематичность²³. Подготовке *lex rogata*, «законодательного предложения», служили *contiones*, проходящие под председательством магистрата, но не принимающие решений народные собрания – исключение составляют принятые по инициативе плебейских трибунов *plebiscita*, которым *lex Hortensia* 287 г. до н.э. дала силу закона²⁴.

2. С этим мы вступаем в фазу *рекомендации* (*recommendation*). Предложение (*rogatio*), внесенное, например, консулом, на *contiones* могло вызвать обсуждение (в особенности несколькими магистраторами-ораторами) с различных точек зрения или получить проявление одобрения или неодобрения со стороны участников собрания²⁵.

3. Следует фаза *предписания* (*prescription*), фаза, на которой соответствующими руководящими органами формулируется норма, имеющая обязательную силу. В случае с римским законодательством магистрат, выступивший инициатором, созывает с целью принятия решения народное собрание (*comitia*), публикуя проект текста, самое меньшее за три рыночных дня (*nundinae*), тем самым по меньшей мере за 17 дней. Теперь авгуральные инструменты вступают в свою горячую фазу: утром перед собранием председательствующий магистрат предпринимает *spectio*, «наблюдение», и получает предзнаменования. В случае их успеха другие магистраты до начала комиций могут сообщить (*obnuntiare*) о препятствующих знамениях, которые могли бы соответственно привести к остановке процесса. Во время самого собрания – но это уже спорно – лишь присутствующие авгуры могут сообщить о предзнаменованиях, которые предполагают его остановку. После остановки в известных нам случаях эпохи Поздней республики выборы полностью прекращались; характерно, что законодательные процессы, несмотря на объявление знамений, не прерывались²⁶.

4. Однако процесс принятия решений на этом еще не заканчивается. Следующий шаг – *invocation* – знаменует собой ссылку на новую норму для действия.

5. Приложение (*application*). Между двумя последними вклинивается со своей стороны необходимость в ауспикации при более масштабном действии магистратов. Она представляет магистрату – но мне неизвестны никакие надежные примеры этого – возможность отступить, сославшись на негативный исход; но это прежде всего открывает другим, и в особенности коллегии авгуров, возможность задним числом констатировать «погрешность» в ауспикации, что могло бы в худшем случае привести к отзыву.

6. Окончание этого процесса составляет общее одобрение или критика новой нормы (*appraisal* или *termination*), например, в виде освящения или аплодисментов, подобно тому, как это может произойти с магистратом в цирке или театре.

Если рассмотреть в этой перспективе различные дивинационные акты, то они могут оказаться петлями противоречий, которые в целом оптимизируют процесс принятия решения в сторону одобрения. При этом посредством символической системы устанавливается то, что уже в высшей степени реально: *Auspicium*, право на ауспикацию, является очень редким правом, которое по-

²³ См. о данной проблеме Bleicken, 1978.

²⁴ Об этом см. Rüpke, 1995, S. 274–283.

²⁵ Flaig, 1995, S. 93–95.

²⁶ См. Thommen, 1989, S. 246 f. о трибунской *obnuntiatio*.

лагается только высшим должностным лицам, и плебеи – как явствует из исторического описания эпохи Поздней республики и времени Августа – смогли его добиться лишь с большим трудом. Непосредственным представителем этого права на действительную коммуникацию с главным политическим богом Юпитером является сенат в лице его патрицианского центра. В случае его роспуска делегированное полномочие (которое может актуализироваться только делегатами – избранными магистратами) «возвращается отцу». В случае отсутствия консулов (из-за преждевременной смерти, отставки или блокады новых выборов) вереница выбранных из сенаторской среды патрицианских интеррекссов, «промежуточных царей», исполняющих обязанности в течение пяти дней, поддерживает актуальность ауспиций в – я до крайности модернизирую – исполнительной власти.

Обратной стороной этой формы легитимизации является постоянная необходимость в проведении ауспиций. Магистрат не утверждается на весь срок исполнения обязанностей посредством своего – корректного – избрания, скорее эта легитимизация атомизируется²⁷ посредством постоянно необходимого обновления – и при этом оказывается непростой. Божественное одобрение – говоря объективным языком – может быть получено лишь от случая к случаю. Уязвимые места магистратской власти, однако, хорошо известны: речь идет главным образом о праве трибунов на *intercessio*, праве на вето равных по рангу коллег и о – более широко распространенном, но все же ограниченном несколькими основными группами – праве на *obnuntiatio*, на извещение об отрицательных знамениях. Эти возможности вмешательства определяют образ действий отдельного магистрата в том, что касается одобрения. Систему принятия решений характеризуют не решения большинства, но свобода эксплицитных возражений.

«Выход из игры» («opting out»)

Но если эта система действительно нацелена на получение одобрения, тогда почему столь часто, а точнее в случае принятия законов, возражением регулярно пренебрегают? Здесь вновь помогают политологические теоретические построения и в особенности анализ протекания переговоров, с углубленным учетом факторов внешней политики и окружающей среды²⁸. Я мог бы здесь прежде всего указать на различие между *ведением переговоров* и *аргументированием*. Аргументирование следует понимать как «способ коммуникации, в котором выдвигаются эмпирические и нормативные утверждения, претендующие на действительность». Ведение переговоров, напротив, является способом коммуникации, в котором «прагматические требования выдвигаются и обосновываются с претензией на достоверность»²⁹.

В рамках политического процесса принятия решений в Римской республике ауспиции относятся, согласно моему тезису, к коммуникационному способу *ведения переговоров*. В конкретно-исторической практике ауспиционная процедура не осуществляет никакого прямого влияния на содержание имеющихся в виду действий, но носит, в общем и целом, лишь разрешительный или отклоняющий, точнее запретительный характер. Правда, существует теория *signa sinentia* (только разрешительных знамений) и *adhortantia* (побужда-

²⁷ Gladigow, 1977, S. 20.

²⁸ Prittwitz, 1996, особенно: Saretzki, 1996.

²⁹ Saretzki, 1996, S. 33, мои замечания.

ющих знамений)³⁰, но ее применение не очевидно. Мне не известен ни один пример спорного действия, которое было бы осуществлено с указанием на позитивные ауспиции (напротив, форсированное пренебрежение неоднократно встречается в источниках – естественно, всегда с катастрофическими последствиями).

Различие между ведением переговоров и аргументированием можно хорошо показать на примере второй филиппики Цицерона (она должна относиться к сентябрю 44 г., но была впервые опубликована в ноябре), которую на первый взгляд следует скорее привести как контраргумент. Исходная ситуация состоит в том, что Марк Антоний в качестве консула и руководителя выборов воспрепятствовал избранию Долабеллы (назначенного Цезарем на должность консула-суффекта) на консульство благодаря извещению об отрицательных знамениях с итоговой формулой отсрочки *alio die*, «в другой раз», на последней фазе процесса выборов (*Cic. Phil.* 2. 82 f.). Об этом воспрепятствовании, согласно Цицерону, Антоний известил уже 1 января (2. 80), ссылаясь при этом на свои полномочия авгура (2. 83). И критика начинается непосредственно здесь: извещение показывает, что предполагаемые ауспиции вымышлены; Антоний не указал, ни что он услышал, ни что он увидел (2. 83), кроме того, позднее он все же утвердил избрание (2. 84), что соответствовало политическому повороту Антония.

Очевидно – если Цицерон прав в своем обвинении, – что Антоний нарушил свод правил. Но не состоял ли этот свод правил прежде всего в том, чтобы поддерживать фикцию настоящего, эмпирически содержательного наблюдения? Подобный «жреческий обман» ауспиций укрепляет представления с давних пор скептически настроенных высших кругов, для которых традиционная религия была всего лишь средством дисциплинирования широких масс³¹.

Но этот пассаж можно прочесть и по-иному. Анализ международного процесса принятия решений и проведения переговоров включает «выход из игры (*opting out*)» или уход, оставление переговоров (и это часто называется «скачок») ради самого острого оружия и самых крупных проблем в способе коммуникации «ведение переговоров»³². *Obnuntiatio* можно интерпретировать как одно из подобных прерываний переговоров: в очень поздний момент неизбежно обесценивается весь предшествующий коммуникационный процесс, поставленный под вопрос вследствие оставления места переговоров, говоря объективным языком: вследствие цитирования божественного «нет». Для узкого круга, а именно для магистратов текущего года, избранных в предыдущем году, и для коллегии авгуров, учрежденной на много лет, эта форма отхода составляет законное средство: она является экспрессивным действием «без меня», а не интерпретационной задачей для экспертов³³.

Цицерон упрекает Антония в том, что он был не в состоянии сказать, послал ли Юпитер гром или молнию. *Alio die* говорит само за себя, с чем Цицерон (*Leg.* 2. 31) сам соглашается в другом месте. Цицерон упрекает Антония в том, что тот не посчитался с некоторыми другими правилами ведения пере-

³⁰ См. Linderski, 1986.

³¹ Так, например: Burckhardt, 1988, S. 186.

³² Об обязательствах участников см. Prittwitz, 1996, S. 49–51.

³³ Характерно, что самый массивный случай «отхода», политический бойкот Бибула против Г. Юлия Цезаря соединяется с перманентной авгуральной *obnuntiatio* (*Cic. Dom.* 40; *Suet. Jul.* 20. 1).

говоров. Первого января следовало оказать сопротивление монархическому назначению новых консулов Цезарем («который, как уверяют, не был царем» – 2. 80); находящийся в должности консула Антоний должен был потребовать развертывания процесса, в котором знать выдвигала из своей среды кандидатов и представляла для *populus Romanus* на выбор(ы). Напротив, Антоний, огласив в качестве авгура сообщение о знамении, сигнализировал выход из политического процесса принятия решений, в который он позднее, в отмену собственного возражения, вновь самовольно вступил.

Для взаимодействия политических институтов Рима характерно то, что прерывание переговоров имело довольно различные последствия в зависимости от предмета. Прежде всего следует отметить то, что *obnuntiatio* приходилась именно на те моменты, на которых процесс принятия решений покидал пространство знати и выносился на *comitia*, которые предоставляли наибольшую гласность. Круг лиц, имевших право на *obnuntiatio*³⁴ и возможные более широкие последствия возражения наглядно давали понять народу (*populus*) (и дают понять нам сегодня), что не могло (и не может) идти никакой речи о народном суверенитете. Но функция должна выйти за пределы этого: законы были все же приняты, но выборы отложены.

Далеко идущая функция обнаруживается, если расширить временной горизонт. «Пятно» авгуральной погрешности (*vitium*) продолжает сохраняться и в случае принятия позитивного решения. В любое время коллегия авгуров могла поддержать, оценить и представить возражение на решение сената с целью отмены прежнего народного решения³⁵. «Я мог бы здесь далее не продолжать, чтобы не производить впечатление, будто действия Долабеллы как магистрата, которые следует однажды представить нашей коллегии (авгуров), должны быть признаны не имеющими силы», – говорит Цицерон (Phil. 2. 83). В случае с *leges rogatae* это означает только «разжижение» решений, которые должны были быть наделены как раз более высоким достоинством *lex*: фактически они стоят на более низкой позиции, на уровне постановлений сената, которые могут быть опровергнуты в любое время. В случае выборов последствия были бы, как дает понять цитата из Цицерона, тяжелыми: если под сомнение берется базовая легитимность, то не одно отдельное решение, но всякое решение, принятое на протяжении всего периода исполнения обязанностей, берется под отягчающее сомнение³⁶. Это недопустимо: здесь одобрение не только желательно, но необходимо: именно масштаб власти магистратов, ограниченный лишь в пространственном (например, право на *provocatio* в Риме), временном (годовой срок) и личном (коллегиальность) отношении, в противном же случае огромный, делает аристократическое соперничество в получении одобрения еще и политически эффективным. Правда, альтернативой одобрению является еще и насильственное постановление; в эпоху Поздней республики применение силы все чаще связано с обструкционными стратегиями³⁷.

³⁴ Вывод, сделанный на основании *App. Civ.* 1. 133 о том, что все граждане имели право на *obnuntiatio*, является, как отметил Burckhardt (1988, S. 192), неправомочным. Обнунциация в техническом смысле, как представляется, могла быть произведена только магистратами и авгурами; в пределах круга магистратов линия конфликта маркируется посредством запрещения при случае вмешательства низших магистратов.

³⁵ Linderski, 1986, P. 2162–2168. См. Burckhardt, 1988, S. 193 f. с конкретными примерами.

³⁶ См. пример: Linderski, 1986, P. 2168–2173.

³⁷ Эти обстоятельства подчеркивает Flaig, 1995, S. 92.

То, что ауспииции следовало подчинить Юпитеру, не случайно. Юпитер тот бог, который в республиканское время был в особенности подвергнут процессу «демифологизации»: культы и миф, ставившие высшего бога общины в генеалогические, гентильные связи, были в Риме отеснены на задний план³⁸. Магистраты не отказывались от своих «частных» ролей (например, *paterfamilias*), и они продолжают отправлять свои домашние и гентильные культы. Однако когда во время ауспииций они входили в контакт с Юпитером, они вращались в негентильном, общем пространстве. «Политическая» и военная деятельность верховных магистратов была установлена именно посредством испрашивания ауспииций в специфическом публичном пространстве; здесь ауспииции отчетливым образом отличаются от ряда любых дивинационных актов, которые были связаны со всяким нормальным жертвоприношением и тем самым касались частной сферы точно так же, как и публичной³⁹.

Пространственная метафора особенно уместна: пространство, открытое посредством испрашивания ауспииций в действительности ограничено в пространственном и временном отношении: место и время испрашивания ауспииций должны точно соответствовать месту и времени действия. *Alio die* означает, что успех вполне возможен завтра. Испрашивание ауспииций на Марсовом поле означает, что магистрат получает полномочия именно для этой, точно обозначенной внегородской деятельности – проведения собрания годного к несению военной службы народа (*comitia centuriata*). Это официальное пространство, которое предоставляет место для взаимодействия с *populus Romanus* или в военном отношении: для командования над ним может быть оспорено; в этом оно отличается от публичного пространства, учрежденного в сакральном отношении на постоянный срок – *templum*, в которых заседает сенат. И эти последние пространства устанавливаются посредством процедуры ауспииций, которая теперь находится непосредственно в руках авгуров. Ауспииции являются важной основой сакральной топографии⁴⁰.

Бросается в глаза, насколько ауспикация остается бессодержательной. Функционирование в целом свободно от технических аспектов; объем знания специалистов не поддается правильному определению, но кажется, что об ауспикации драматург Плавт знает больше, чем авгур и автор специальных работ Цицерон. Это соответствует общей эволюции *sacerdotes publici* со времени Средней республики, которые все более не столько выступают в качестве экспертов, сколько приобретают все более явственные признаки магистратов⁴¹. Дискуссия относительно *libri sacerdotum*, письменных документов главных жреческих коллегий, по всей видимости, привела к тому выводу, что мы здесь должны иметь дело не с систематическими нормативными текстами, но с протоколами, которые удостоверяют притязания или предоставляют примеры.

³⁸ Как очень точно формулируется в тезисах Карла Коха (Carl Koch, 1937), который при этом открывает новые аспекты в проблеме римской «немифологичности» (см. Graf, 1993).

³⁹ Ср. Burckhardt, 1988, S. 185, который рассматривает содержание *Leges Aelia et Fufia* преимущественно в контексте *ius agendi cum populo/plebi*.

⁴⁰ Об этом см. Catalano, 1978; Rüpke, 1990, S. 28–57. Ср. Millar, 1998, который подчеркивает «идеологию публичной обзорности» политического процесса принятия решений: это могло бы оказаться плодотворным и для оценки ауспииций и их пространственного плана.

⁴¹ Конструкцию Вейнштока, который первоначальные ауспииции ограничивает авгурами (Weinstock, 1937, S. 1728; центральным доказательством является позднеантичный грамматик: *Donat. Vita Ter. 547*), нельзя признать исторически достоверной.

«Сакральное право» – для этого немецкого понятия, сильно популяризированного Георгом Виссовой, не имеется латинского эквивалента, это не застывшая норма, но ситуационная логика.

Структура ауспий отражает политический менталитет Римской республики, который – при всей потребности в сильной «исполнительной власти» – стремится к максимальному контролю со стороны всей правящей прослойки, знати. При таких предпосылках вновь выясняется, что важна не дивинационная активная легитимация, но что решающее значение имеет необходимость связать всякое содержательное действие с формальным актом, который потенциально может содержать ошибку (*vitium*) или может быть сорван (*obnuntiatio*), но при всеобщем одобрении не проявляет никакой собственной стесняющей динамики. При этом имеется нечто вроде «административной юстиции», в которой всякий акт подлежит проверке со стороны политического пленума, сената, и экспертной комиссии – авгуров, состоящей из высшей аристократии. Лишь возрастающая поляризация и персонализация в эпоху Поздней республики объясняет как функциональный эквивалент рост числа судебных процессов, с помощью которых стремились добиться надежного политического отстранения заслуживающего доверия лица путем вынесения приговора, вносящего его в разряд преступников.

Эта оценка выигрывает в правдоподобии, если принять во внимание общее изменение дивинационной системы при переходе к принципату. Общий контроль со стороны социальной прослойки уступает место монополии на ауспии одного-единственного лица. Исполнительная, а также оценочная компетенция всех политических носителей решения переходит к экспертам, находящимся в подчинении одного лишь верховного правителя, который теперь имеет повышенную потребность в консультации и легитимации. В этническом и социальном смысле эти эксперты больше не принадлежат к прежней правящей прослойке, будь это теперь восточные астрологи⁴² или германские провидицы. Начало этого процесса мы можем наблюдать уже в конце II в. до н.э.: как гаруспик сопровождает Гракхов, так сирийская провидица сопровождает Мария. Однако, впоследствии, с эволюцией в эпоху империи, становится понятной республиканская антипатия по отношению к консультации неримских оракулов: утрата ауспий означает также утерю публичности: *Auspicia amissa, res publica amissa*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Господствующий в публичном пространстве Поздней республики дивинационный процесс – ауспии, открывает различные перспективы. Они показывают, что эта религиозная символическая система была как отражением центральных ценностей политической системы, так и ее интегральной составной частью. Диалог Цицерона *De divinatione*, «О предсказании», в котором за первой книгой, утверждающей функционирование и возможность дивинации, следует вторая, которая (в лице самого автора) опровергает и то, и другое⁴³, отвечал одновременно и процессам и конфликтам, представленным здесь. Но скепсис является правилом греческой философии, а не соответствующей интерпретационной моделью социальной практики в Риме. Хотя ауспии могут показаться нам бессодержательными, они опираются на традицию: авгураль-

⁴² См. Cramer, 1954, P. 82, 144.

⁴³ Ср. Denyer, 1985, который не принимает всерьез стоическое оправдание дивинации; Beard, 1986; Schäublin, 1989.

ное соревнование между Ромулом и Ремом⁴⁴, авгур Атт Навий, которому даже удалось разрезать камень; выставленный на Форуме список авгуров; *Augurium salutis*, «наивысший *augurium*», получаемый старейшим авгуром, после чего консул должен был лишь произнести молитву⁴⁵; похвала авгурам со стороны Цицерона: здесь отчетливо представлены образы, которые заменяют доминирование на выставленную напоказ техническую экспертизу.

Подобный престиж символической системы делает ее средством коммуникации в политических процессах принятия решений. Эта символическая система не противостоит политическим институтам, но является их частью⁴⁶. С изменением оценки плебейских трибунов и плебисцитов меняется и вопрос о том, представлены ли здесь носители и объекты ауспий⁴⁷. «Разжижение» норм посредством авгуральных ограничений – возвратный процесс, который находит применение самому себе: авгуральные «переговорные оптации» становятся объектом законов (*leges Aelia et Fufia*, *lex Clodia*), и эти законы, которые уже и сами по себе требуют процедурных правил, становятся объектом авгуральных возражений (*lex Clodia*)⁴⁸. Они управляют коммуникацией, которая понятна только в их контексте. Не реконструкция абстрактного «государственного права», но его историзация и исследование практической стороны подобных норм открывают новые перспективы с религиозно-исторической точки зрения*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Assmann J., Gladigow B. (Hrsg.), 1995 – Text und Kommentar. Archäologie der literarischen Kommunikation. 4. München.

Astin A.E., 1964 – «*Leges Aelia et Fufia*» // *Latomus*. 23. P. 421–445.

Beard M., 1986 – Cicero and Divination: The Formation of a Latin Discourse // *JRS*. 76. P. 33–46.

Beard M., North J., Price S., 1998 – *Religions of Rome*. Vol. 1–2. Camb.

Bergemann C., 1992 – Politik und Religion im spätrepublikanischen Rom. *Palingenesia*. 38. Stuttgart.

Bleicken J., 1957 – Kollisionen zwischen *Sacrum* und *Publicum*: Eine Studie zum Zerfall der altrömischen Religion // *Hermes*. 85. S. 446–480.

Bleicken J., 1978 – Verfassungs- und Sozialgeschichte des römischen Kaiserreiches. Bd 1–2. Paderborn.

Bleicken J., 1981 – Zum Begriff der römischen Amtsgewalt: *auspicium* – *potestas* – *imperium*. Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, phil.-hist. Kl. 9. Göttingen. S. 255–300.

Bleicken J., 1990 – Zwischen Republik und Prinzipat: Zum Charakter des Zweiten Triumvirats. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, phil.-hist. Kl., 3. Folge, 185. Göttingen.

Bloch R., 1963 – *Les prodiges dans l'antiquité classique* (Grèce, Étrurie et Rome). P., 1963.

Burckhardt L.A., 1988 – Politische Strategien der Optimaten in der späten römischen Republik. Stuttgart (Historia Einzelschriften, 57).

Catalano P., 1978 – Aspetti spaziali del sistema giuridico-religioso romano. *Mundus, templum, urbs, ager, Latium, Italia* // *ANRW*. II. 16, 1. P. 440–553.

Champeaux J., 1989 – Sur trois passages de Tite-Live (21, 62, 5 et 8; 22, 1, 11): Les 'sorts' de Caere et de Faleries // *Philologus*. 133. P. 63–74.

Champeaux J., 1990 – *Sors oraculi: Les oracles en Italie sous la république et l'empire*. Roma // *MEFRA*. 102. P. 271–302.

⁴⁴ См. Jocelyn, 1971; Rüpke, 2003.

⁴⁵ Об этом см. Liegle, 1942; Linderski, 1986, P. 2254–2256.

⁴⁶ Рассуждения Liebeschuetz (1979, p. 17) о независимости дивинационных институтов по отношению к политической системе не находят подтверждения в привлеченных источниках.

⁴⁷ См., например: Thommen, 1989, S. 241–248 (со списком трибунских обнунциаций).

⁴⁸ Противоположная позиция характерна, например, для Garcia de la Fuente (1973), который считает римскую авгуральную систему крайне систематичной; Linderski (1986) также часто склоняется к «государственно-правовой» формулировке проблем.

* Перевод О.П. Смирновой.

- Cramer F.H., 1954 – *Astrology in Roman Law and Politics*. Philadelphia (Memoirs of the American Philosophical Society, 37).
- DeMartino R.M., 1985 – *The Roman Nobility and the State Religion in the Late Republic*. Diss. Rutgers University (New Brunswick, NJ).
- Denyer N., 1985 – *The Case Against Divination: An Examination of Cicero's de divinatione* // Papers of the Cambridge Philological Association. 31. P. 1–10.
- DeTreville D.J., 1987 – *Senatus et religio: Aspects of the Roman Senate's Role in the State Religion during the Republic*. Diss. Chapel Hill.
- Flaig E., 1995 – *Entscheidung und Konsens: Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Aristokratie und Plebs* // *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik* / Hrsg. M. Jehne. Stuttgart (Historia Einzelschriften, 96). P. 77–127.
- Flaig E., 2003 – *Ritualisierte Politik: Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom*. Göttingen (Historische Semantik, 1).
- García de la Fuente O., 1973 – *La observación de las aves en Roma* // *Helmantica*. 24. P. 135–159.
- Gladigow B., 1977 – *Macht und Religion: Formen der Herrschaftslegitimierung in den antiken Religionen* // *Humanistische Bildung*. 1. S. 1–31.
- Gladigow B., 1979 – *Konkrete Angst und offene Furcht: Am Beispiel des Prodigiengeschehen in Rom*. Heinrich von Stietencron (Hrsg.) // *Angst und Gewalt: Ihre Präsenz und ihre Bewältigung in den Religionen*. Düsseldorf. P. 61–77.
- Gladigow B., 1990 – *Divination* // *Handwörterbuch religionswissenschaftlicher Grundbegriffe*. 2. P. 226–228.
- Graf F., 1993 – *Mythos in mythenloser Gesellschaft: Das Paradigma Roms* (Hrsg.) Stuttgart (Colloquium Rauricum, 3).
- Jehne M., 2003 – *Volksversammlungen // Sinn (in) der Antike* Hrsg. K.-J. Hölkeskamp, J. Rösen / Mainz.
- Jocelyn H.D., 1971 – *Urbs augurio augusto condita: Enn. ap. Cic. Diu. 1. 107 (= Ann. 77–96 V²)* // *PCPS*. ns 17. P. 45–74.
- Kugel J.L., 1990 – *Poetry and Prophecy: The Beginnings of a Literary Tradition* (ed.). Ithaca.
- Lasswell H., 1956 – *The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis*. College Park, University of Maryland.
- Libero L. de, 1992 – *Obstruktion: Politische Praktiken im Senat und in der Volksversammlung der ausgehenden römischen Republik (70–49 v. Chr.)*. Stuttgart (Hermes Einzelschriften. 59).
- Liebeschuetz J.H.W.G., 1979 – *Continuity and Change in Roman Religion*. Oxford.
- Liegle J., 1942 – *L. Aemilius Paullus als Augur maximus im Jahre 160 und das Augurium des Heils* // *Hermes*. 77. S. 249–312.
- Linderski J., 1986 – *The Augural Law* // *ANRW*. II. 16, 3. P. 2146–2312.
- Lutembacher F., 1904 – *Der Prodigien Glaube und Prodigienstil der Römer: Eine historisch-philologische Abhandlung*. ND. [2. Aufl. Burgdorf, 1904] Darmstadt.
- MacBain B., 1982 – *Prodigy and Expiation: A Study in Religion and Politics in Republican Rome*. Bruxelles (Collection Latomus, 177).
- Mitchell T.N., 1986 – *The Leges Clodiae and Obnuntiatio* // *CQ*. 36. P. 172–176.
- Nola A.M. di, 1970 – *Divinazione* // *Enciclopedia delle Religioni*. 2. Firenze. P. 718–732.
- Parke, H.W., 1988 – *Sibyls and Sibylline Prophecy in Classical Antiquity* / Hrsg. von B.C. McGing. London.
- Parker R., 1985 – *Greek States and Greek Oracles* // *Crux: Essays Presented to G. E. M. de Ste. Croix on his 75th Birthday* / Ed. P.A. Cartledge, F.D. Harvey. Exeter (History of Political Thought, 6, 1/2). P. 298–326.
- Potter D.S., 1990 – *Prophecy and History in the Crisis of the Roman Empire: A Historical Commentary on the Thirteenth Sibylline Oracle*. Oxf. (Oxford Classical Monographs).
- Potter D.S., 1994 – *Prophets and Emperors: Human and Divine Authority from Augustus to Theodosius*. Cambr. (Mass.) (Revealing Antiquity, 7).
- Prittwitz V. von, 1996 – *Verhandeln und Argumentieren*. Opladen.
- Prittwitz V. von, 1996a – *Verhandeln im Beziehungsspektrum eindimensionaler und mehrdimensionaler Kommunikation* // *Ebd.* P. 41–68.
- Rawson E., 1974 – *Religion and Politics in the Late Second Century B. C. at Rome* // *Phoenix*. 28. P. 193–212.
- Rawson E., 1978 – *Caesar, Etruria and the Disciplina Etrusca* // *JRS*. 68. P. 132–152.
- Rosenberger V., 1998 – *Gezähmte Götter: Das Prodigiengeschehen der römischen Republik*. Stuttgart (HABES, 27).

- Rüpke J., 1990 – *Domi militiae: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom*. Stuttgart.
- Rüpke J., 1995 – *Kalender und Öffentlichkeit: Die Geschichte der Repräsentation und religiösen Qualifikation von Zeit in Rom*. B. (RGVV, 40).
- Rüpke J., 2003 – *Acta aut agenda: Text-Performanz-Beziehungen in der römischen Religionsgeschichte // Das Gedächtnis des Gedächtnisses: Zur Präsenz von Ritualen in beschreibenden und reflektierenden Texten* / Hrsg. B. Kranemann, ders. Marburg (Europäische Religionsgeschichte, 2). S. 11–38.
- Saggiori A., 1996 – *La Sibylla Cumana: Un personaggio virgiliano tra mito e storia* // SMSR. 62. P. 481–490.
- Saretzki Th., 1996 – *Wie unterscheiden sich Argumentieren und Verhandeln?* Prittwitz. S. 19–39.
- Schäublin Ch., 1989 – *Weitere Bemerkungen zu Cicero, De divinatione* // MH. 46. P. 42–51.
- Scheid J., 1985 – *Religion et piété à Rome*. Paris.
- Scheid J., 1996 – *Religion und Staat im alten Rom // Politik–Bildung–Religion: Hans Maier zum 65. Geburtstag* / Hrsg. Th. u.a. Stammen. Paderborn. S. 653–659.
- Sumner G.V., 1963 – *Lex Aelia, Lex Fufia* // AJPh. 84. S. 337–358.
- Szemler G.J., 1972 – *The Priests of the Roman Republic: A Study of Interactions between Priesthoods and Magistracies*. Bruxelles (Collection Latomus, 127).
- Thommen L., 1989 – *Das Volkstribunat der späten römischen Republik*. Stuttgart (Historia Einzelschriften, 59).
- Weinstock S., 1937 – *Obnuntiatio* // RE. 17. 2. S. 1726–1735.
- Weinstock S., 1937a – *Clodius and the Lex Aelia Fufia* // JRS. 27. P. 215–222.
- Wiseman T.P., 1992 – *Lucretius, Catiline, and the Survival of Prophecy*. Ders. *Historiography and Imagination: Eight Essays on Roman Culture*. Exeter (Exeter Studies in History). P. 49–67, 133–139.
- Wülker L., 1903 – *Die geschichtliche Entwicklung des Prodigienwesens bei den Römern: Studien zur Geschichte und Überlieferung der Staatsprodigien*. Diss. Leipzig.

DIVINATION AND POLITICAL DECISIONS IN ROMAN REPUBLIC

Jörg Rüpke

The paper analyses public divination practice in late republican Rome. Divination is conceptualized as a form of social action under conditions of insecurity which utilizes defined social roles for the interpretation and ritual manipulation of standardized signs in order to measure and articulate consensus and dissent. An overview of the techniques present in the 2nd and 1st centuries BC sketches the characteristic of *prodigia*, unexpected, often monstrous signs, and *auspicia*, radically standardized and frequently employed signs. A closer analysis concentrates on auspices conducted by augurs and magistrates. The author follows three lines of interpretation. First, employing models of political science, the author reconstructs the role of auspices, and in particular the announcement of adverse signs (*obnuntiatio*), in the process of taking decisions under the senatorial regime. Secondly, the frequent disregard of the announcement of adverse signs in the process of law-giving is interpreted within the framework of different kinds of negotiations, again drawing on models of international relationships. Thus, the quotation of prohibiting signs could be regarded as a form of opting out of the decisional process. Finally, particular attention is given to the timing and staging of public phases of divination, relating religious rituals to the mechanisms of political action and control. In conclusion, the author tries to demonstrate the systems of religious symbols to be a means of communication and an integral part of political institutions of the late republic, thus relating concerns of political history and comparative religion.